

«Эх, дороги...»

К 100-летию со дня рождения поэта
Льва Ошанина

«**П**усть всегда будет... — СОЛНЦЕ!! Пусть всегда будет... — НЕБО!! Пусть всегда будет... — МАМА!! Пусть всегда буду — Я-А-А!!!!» — радостным смехом залился «я-аа», наверное, четырехлетний, наконец-то угадав по изменившемуся окончанию нужный ответ. Впрочем, иногда мне кажется, что «небо» я тоже угадал. Оно ведь так просто, логично, естественно: солнце — и небо, мама — и я. Кажется, не раз и не два меня забавляла мама этой игрой, которая так легко заучилась назубок, что я начинал весело кричать ответ раньше, чем мама успевала закончить вопрос. Став чуть постарше, я уже запомнил и остальные слова, которые просто невероятно соответствовали обстановке:

*Солнечный круг,
Небо вокруг —
Это рисунок мальчишки.
Нарисовал он на листке...*

И мальчишка — это был, конечно же, я сам или точно такой же мой двойник, рисующий на листочке бумаги: солнце — и небо, маму — и себя. И вслед за ним я корябал на листочке бумаги не так давно освоенные буквы: «ПУСТЬ ВСЕГДА...». А рядом мама (ужасно красивая темно-волосая мама, которой не было еще и тридцати) писала что-то подобное на большущем плакате — вечно учителям рисования приходится летом заниматься оформлением школы.

Запомнившаяся песенка тоже немного отдавала бодрым плакатом, но при этом еще и каким-то чистосердечным простодушием, снимавшим всякое подозрение на фальшь. Ну кто возразит против солнца, неба и мамы?

Правда, универсальность структуры с многократным повтором не могла не спровоцировать на создание пародий. Кажется, почти сразу я начал выдавать что-то типа: «Пусть всегда будет... — кошка! Пусть всегда будет... — мышка!». Впрочем, вряд ли это замышлялось как

пародия. Просто на моем рисунке и в моем мире всегда было место и кошке, и собаке, а себя я ощущал почти соавтором песни*.

Не помню, мама ли назвала имя поэта — Лев Ошанин — или оно встретилось мне в журнале рядом с текстом песни, но я знал уже в детстве, что это именно его стихи**. Через некоторое время в мою жизнь вошли величественно-протяжные строки, совсем непохожие на «Пусть всегда будет солнце»: «Издавелека до-олго / течет река Волга» в исполнении Людмилы Зыкиной или хорошо сидящей компании. Новые строки удивительно походили на саму реку, как раз из нашего ярославского «далека» медленно-величаво несущую свои воды куда-то к югу. Добавились и, пожалуй, больше всего затронувшие меня (уже школьника) «Эх, дороги! Пыль да туман».

Что такое дороги, я знал хорошо. Это и заросшие травой колеи, ведущие к заброшенной сенокосной поляне в лесу. Это и наполненные будто бы специально изготовленной, щедро отмерянной теплой пылью из мелкого-мелкого песочка полевые дороги за пригородной деревенькой Конюшино, где мы нередко проводили выходные. Это и невероятно липкая в дождь ярославская глина, и оренбургский («историческая родина» моих родителей) чернозем, наматывавшиеся пудовыми гирями на сапоги и многопудовыми — на колеса машин. В ушах в ритм шагам каждый раз неотступно звучало: «Вьется пыль под сапогами, степями, полями, а кругом бушует пламя, да пули свистят...» И хотя ни пламени, ни пуль вокруг не наблюдалось, все замечательно соответствовало настроению похода. Настолько замечательно, что я, помнится, был удивлен, осознав однажды, что песня-то не современная, а создана в годы той самой Великой Отечественной, по имени ни разу не названной. Тревоги, выстрелы, пули — песня о любой войне последних двух столетий. А мать, ждущая сыновей в сосновом краю, — это вообще вечное. Вот только сапоги, под которыми вьется пыль, недавно отменили в военной форме, заменив ботинками.

Но я-то свою срочную службу в армии пробегал еще в сапогах. Как громко топала наша немногочисленная (всего-то три машины и народу соответственно) 10-я рота Дважды орденноносной пожарной охраны города-героя Москвы, старательно выпевая по дороге в столовую:

*В ночной тиши и в блеске ДНЯ
От Сахалина до Арбата
Шагают рыцари огНЯ —
Необходимы-е ребята.*

*Во и-имя мирного огНЯ,
Огня, который дружен с нами,
Покой и сон людей ХРА-НЯ,
Мы укрощаем зло-ое пламя!*

...

Нет, «Марш пожарных» явно не относился к числу шедевров Льва Ивановича. Зато поэт был признанным шефом и другом пожарных, не оставляя их своим вниманием. Однажды и в нашей части было объявлено, что в клубе скоро состоится встреча с поэтом Львом Ошаниным.

* Зато несомненно пародийный характер имели вирши, имевшие популярность в младшие школьные времена: «Солнечный круг, / Немцы вокруг. / Наши пошли в наступленье. / Гитлер упал, / Ногу сломал / и на прощанье сказал: / «Пусть всегда будет водка, колбаса и селедка! / Если этого мало, пусть еще будет сало, / Огурцы и помидоры. / Вот какие мы обжоры!».

** А вот песня «Просто я работаю волшебником» была услышана мною по телевизору и навсегда осталась связанной с обликом улыбчивого молодого певца Э. Хиля, покорившего меня настолько, что мне и в голову не пришло выяснять автора текста (представляю, как уморительно выглядел шестилетний клоп, напевавший: «Почему, дружок? Да потому, что я жизнь учил не по учебникам...»). Что песня написана на стихи Ошанина, я случайно узнал через несколько десятилетий.

Мне повезло, вполне мог ведь оказаться в наряде, карауля ротное помещение или чистя картошку на кухне: моя карьера «рыцаря огня» как-то с самого начала не задалась*. Но вот мы — солдатики-срочники, офицеры да прапорщики — уже сидим в зрительном зале, ожидая появления на сцене настоящего, да к тому же всем известного, поэта.

Поэт появился в элегантном дорогом кожаном пиджаке. Темные очки (тогда я не знал про его сильнейшую близорукость), благородная седина... Честно говоря, я был несколько разочарован. Не чувствовалось в этом облике ни «дорог — пыль да туман», ни текущей Волги, ни солнечного круга. Пожалуй, этот успешный облик хорошо соответствовал автору «Гимна демократической молодежи» или знаменитого «Ленин — всегда живой, Ленин — всегда с тобой». Однако, что этот идеологически выверенный официоз — тоже творчество Ошанина, я тогда не знал.

Начавшееся выступление не то чтобы оставило меня совсем равнодушным, но... Но знаменитым текстам, которые я и без того знал назубок, не хватало (кроме, пожалуй, «Дорог») музыкального сопровождения, да и голос Зыкиной не помешал бы. Новые стихи, прочитанные автором, сильного впечатления тоже не произвели. Но я знал, что в творчестве Ошанина есть, как минимум, еще одна главка, которой мне очень хотелось бы коснуться, и я ждал ее.

За полгода до призыва на срочную я случайно услышал по радио передачу про «Дворовый цикл». Как удивительно удалось передать уже далеко немолодому поэту чувство детской-подростковой-юношеской влюбленности, неожиданно и даже непонятно преображающей привычный двор, где обитают «старички, что стучат в домино»! Но вот прошла «из булочной с булкой» знакомая давным-давно, с игр в песочнице, девочка, и все начало странно и прекрасно меняться. Нежное, бережное чувство, расставания и встречи, все, что «венком сомнений и надежд переплелось» (этот оборот казался бы искусственным и вычурным, если бы не звучал из уст подростка), оказалось удивительно созвучно моей юности, и я долго и тщетно надеялся услышать хоть что-то из этого цикла.

Увы, сам поэт их не вспомнил. Однако он вдруг сделал паузу, кашлянул и сказал:

— Может быть, у кого вопросы будут? Пожалуйста, присылайте записки.

Кажется, я ждал такого развития событий. Огрызок карандаша припрятан в отвороте шапки, листок бумаги — в кармане брюк: «Пожалуйста, прочитайте что-нибудь из “Дворового цикла”. Спасибо за стихи!». Теперь надо как-то передать. Сижу, как назло, в середине. Спереди ряд занят солдатами 33-й роты, за что-то люто ненавидящими нашу, сбоку — «дед», которому исполнение любой просьбы «молодого» чревато потерей авторитета. Но вот за ним — интеллигентнейший младший сержант Эдик Лукьянов. Не обращая внимания на тычки «деда», тянусь через него к Эдику.

— Товарищ младший сержант... записку на сцену... передайте, пожалуйста...

Эдик организует кого-то из «воинов», и записка достигает заветной цели. Более того, она оказывается... единственной в тысячном зале. То ли по этой причине, то ли действительно Льву Ошанину было очень радостно вспомнить ту пору своей жизни, но поэт долго и оживленно рассказывал про создание цикла, про молодых Иосифа Кобзона и Майю Кристаллинскую, для которых «Дворовый цикл» стал «путевкой в жизнь», и еще много о чем, чего не удержала моя память. Я был просто счастлив. К тому же на целую неделю я стал гордостью своей роты. Наши «рыцари огня», свысока поглядывая на солдат других подразделений, лениво сообщали:

— Да у нас даже такой зачморенный боец, как Овсянников, легко может записку знаменитому поэту Ошанину написать.

Такова была моя первая и последняя «живая» встреча с поэтом. Десятилетие спустя, когда я уже работал в музее, я вдруг узнал, что известный на всю страну поэт — наш зем-

* Меня, как медлительного ротозея сомнительных физических кондиций, опасались брать на боевое дежурство, приспособив для ведения ротной документации, чередуемой с мытьем полов.

Семья дворян Ошаниных на даче (Лёва во втором ряду крайний слева, на руках у брата Александра).
Ярославская губ., Рыбинск. 1913

ляк, уроженец Рыбинска, что он регулярно приезжает в город. Однако я занимался другими направлениями работы. Зато иногда радовали приятные открытия, когда выяснялось, что уже давно нравившаяся или впервые услышанная песня написана на стихи Льва Ошанина.

Лишь много позднее, знакомясь с материалами, переданными после кончины Льва Ивановича его дочерью Татьяной Успенской-Ошаниной, слушая впечатления коллег, общавшихся с ней, видя те выставки, которые они делали, передо мною постепенно вырисовывалась фигура живого человека и талантливого поэта. Его судьбу надо было бы придумать для героя романа или фильма, если бы жизнь не сыграла ее на самом деле.

* * *

Итак, Лев Иванович Ошанин родился 17 (30) мая 1912 года в городе Рыбинске Ярославской губернии. Он стал младшим среди семи детей в дворянской семье, чья родословная вела свое начало от некоего венецианского гостя XIV века. Впрочем, особого богатства дворянство рыбинским Ошаниным не принесло. После скоропостижной кончины отца, поверенного городского суда Ивана Александровича, мать, Мария Николаевна, была вынуждена устраивать благотворительные концерты — помогло музыкальное образование. В 1917-м семья и вовсе переехала в Ростов Великий, где Мария Николаевна возглавила первый в городе детский сад.

Зато дворянское происхождение аукнулось поэту через двадцать лет. «Классовый подход» на практике был почти сродни расизму: святая вера в идеалы коммунизма и беззаветная готовность включиться в его строительство могли быть легко перечеркнуты «неправильным» происхождением. Избавиться от такого клейма было непросто.

Лев Ошанин в детском возрасте. Ярославская губ.,
Рыбинск. 1915

Л. И. Ошанин в юношеском возрасте. Москва.
1929—1932

В 1922 году Ошанины переехали в Москву. После окончания восьмилетки, несмотря на сильнейшую близорукость, Лева Ошанин пошел в самые что ни на есть пролетарии — токарем на чугунолитейный завод; его первым «университетом» стал рабочий литературный кружок «Закал». Начинающий писатель (его первой книгой стала повесть о школьных годах «Этажи», изданная в 1930) вступил в правовернейший РАПП, а его стихи начали публиковаться в «Комсомольской правде», «Огоньке», «Молодой гвардии»...

Обмануть судьбу не могло ничего, даже отъезд в 1932 году на строительство города Хибиногорска в заполярной тундре. Он работал на апатитовой фабрике, затем был директором клуба горняков, корреспондентом газеты «Кировский рабочий». Однако дворянское происхождение «выплыло» и здесь: по доносу Ошанина изгнали из комсомола и уволили из газеты.

Ужасно? Да нет, для середины 1930-х годов почти ничего — отделался легким испугом. Вернувшись в столицу, молодой писатель в 1936 году поступил в Литературный институт имени А. М. Горького, который пришлось оставить в 1939-м после рождения двоих детей. Тогда же стали появляться и его первые песни. До сих пор нередко можно услышать танго «Если любишь — найди» на музыку К. Листова (1939), а 22 июня 1941 года на призывных пунктах гремело написанное еще под впечатлением от Польского похода Красной армии и положенное на музыку З. Компанейца (1940):

*Ордена не даром, да,
Нам страна вручила,
Помнит это каждый наш боец.
Мы готовы к бою,
Товарищ Ворошилов,
Мы готовы к бою, Сталин — наш отец!*

В годы войны, несмотря на слабое зрение, поэт сумел добиться того, что регулярно ездил на передовую, выступал перед солдатами, работал во фронтовых газетах. Особенно частым гостем Ошанин был на Карельском фронте.

*Кружится, кружится, кружится вьюга над нами,
Стынет над нами полярная белая мгла.
В этих просторах снегами, глухими снегами,
Белыми скалами линия фронта легла...*

В годы войны пришло и официальное признание: 7 ноября 1941 Ошанин стал членом Союза писателей, в 1944-м — был принят в коммунистическую партию. В 1950 году — удостоен Государственной премии СССР.

Лев Ошанин никогда не прекращал быть «просто — поэтом», а в 1950-х годах пробовал свои силы и в создании молодежных пьес (часто вместе с женой — Еленой Успенской). И все же главным, почти заслонившим остальное творчество писателя, стала песня. Как говорил сам Ошанин: «Конечно, больше знают песни, потому что уж если песня получилась и оторвалась, то она летит и не знает никаких преград, и потому она закрывает как бы все остальное...». Удивительно разнообразие песен на стихи Ошанина. Свой вклад в это, разумеется, внесли и композиторы, и исполнители. Ошанинский текст звучал по-разному в устах таких ярких исполнителей, как Валентина Толкунова и Анна Герман, Иосиф Кобзон и Муслим Магомаев, Татьяна Рузавина с Сергеем Таюшевым... Но ведь не разница в творческом темпераменте композиторов определила столь разное звучание почти одновременно написанных песен конца войны, как «Эх, дороги» (музыка А. Новикова) и «Ехал я из Берлина» (музыка И. Дунаевского). И содержание, да и сама музыка, заложенная в ошанинских стихах, предопределили протяжно-лиричное звучание первой из них и мажорно-залихватское — второй.

Даже комсомольско-коммунистические творения, во второй половине XX века редко у кого наделенные художественностью, у Ошанина звучат достаточно ярко. Взять хотя бы «Красную гвоздику» (музыка А. Островского), «Гимн демократической молодежи» (музыка А. Новикова) и особенно «Песню о тревожной молодости» (музыка А. Пахмутовой).

На мой взгляд, лирика Ошанина достигла своих высот в его знаменитом «Дворовом цикле» и менее известных творениях — например, «Сумерки» (музыка И. Якушенко). А сколько цитат из его песен превратились в поговорки, в устойчивые выражения, будь то «комсомольцы — беспокойные сердца», «люди в белых халатах» или даже «а за окном — то дождь, то снег...»! Песни буквально разлетались по стране, становясь народными. Надо сказать, что и сам Лев Иванович всегда радостно делился своим творчеством. Не перечесать его поездок по стране: от курильского острова Шикотан до Ташкента и Кишинева, от БАМа до Самотлора, от Кавказа до ярославской Карабихи. В библиотеке поэта, хранящейся сейчас в Рыбинском музее-заповеднике, десятки книг, подаренных ему и именитыми коллегами — Юлией Друниной, Марком Лисянским, Андреем Дементьевым, Инной Лиснянской, Риммой Казаковой, Давидом Кугультиновым, зарубежными писателями (есть даже фотоснимок с надписью на арабском языке) и провинциальными литераторами, так или иначе знакомыми с признанным мастером.

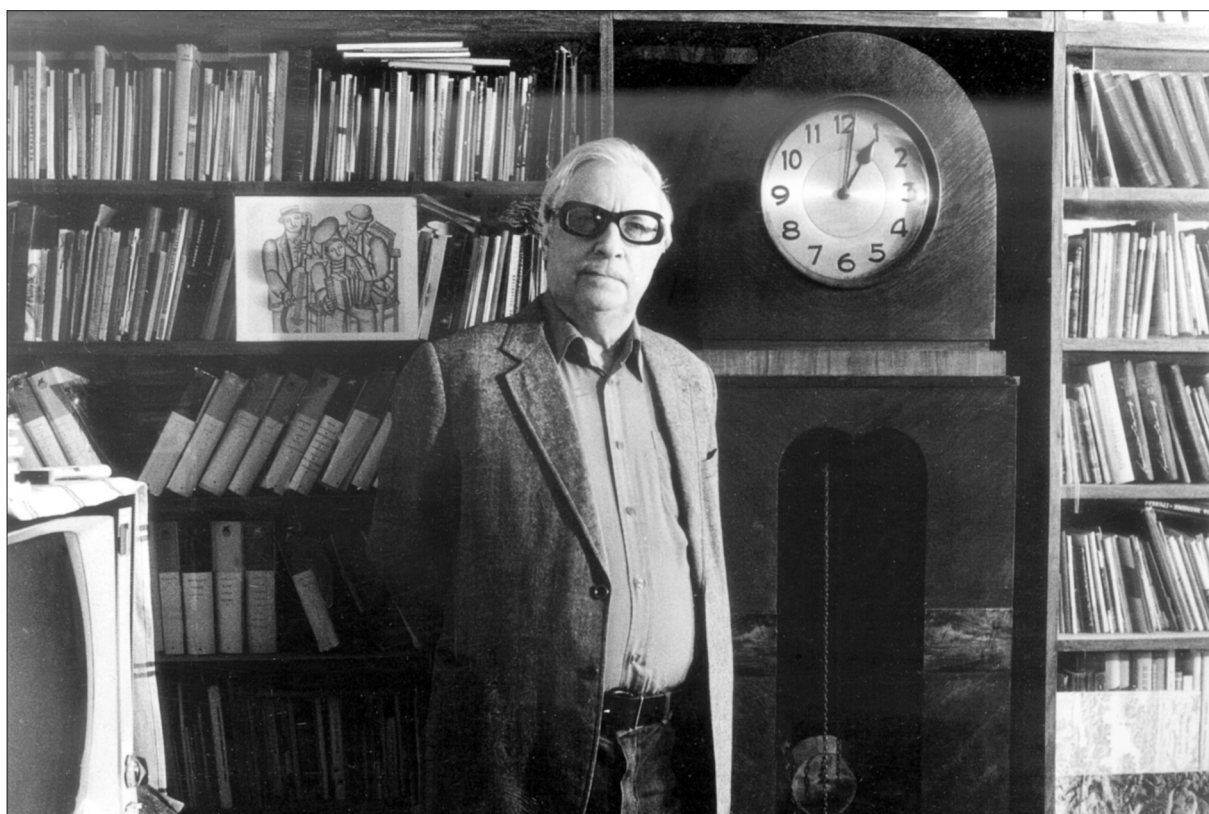
Популярнейший в 1970-х годах советский шлягер со словами «Ярославия — древнерусская сторона» тоже написан на стихи Ошанина (музыка П. Аедоницкого). Как я уже упоминал, поэт нередко гостил на Ярославской земле. Почти ежегодно приезжал в родной Рыбинск, где у него было немало не просто поклонников творчества (в таковых ходило полстраны), но и настоящих друзей. Это и поэт Сергей Хомутов, супруги Светлана Вейде и Дмитрий Романов, директор моторостроительного завода Павел Дерунов и руководитель НИИ «Гюйс» Геннадий Гладков, сотрудница того же НИИ Диана Лебедева. При помощи местных краеведов во главе с Владимиром Шпрангером поэт отыскал дом, где прошли первые годы его жизни. В каждый его приезд в Рыбинске проходили выступле-

Л. И. Ошанин с композитором Э. Колмановским. Москва. 1950-е

Поэт читает стихи путеукладчикам БАМа. Якутская АССР, Беркамит. 1977

Л. И. Ошанин на фоне домашней библиотеки. Москва. 1970-е

Л. И. Ошанин с участниками юбилейного концерта, посвященного 80-летию поэта. Москва. 1992

Л. И. Ошанин. 1995

Второго августа 2003 года ко Дню города на Волжской набережной был установлен памятник Л. И. Ошанину. По-своему символично, что его автор, Махмуд Нурматов, приехал в начале 1990-х в волжский город из Таджикистана, где нередко бывал Лев Иванович. Маленький немногословный таджик, «жигули-копейку» которого не оставлял без внимания ни один гаишник, ушел с головой в увлекшую его работу. Больше полугода он создавал эскизы, затем делал гипсовую модель, работая без договора и без финансирования. Судьба бронзового монумента решалась непросто, долго подбирали и место для него. В итоге он встал на смотровой площадке на берегу реки Волги. Скульптор применил не так уж часто встречающийся прием, поставив статую на очень низкий подиум-плинт, практически «на землю». Такая доступность памятника, очень хорошо соответствующая характеру Ошанина, импонирует и зрителю. Именно сюда, как правило, несут цветы молодожены, здесь фотографируются туристы (потереть «на счастье» ботинок поэта уже стало традицией).

...Повесив на ограждение набережной плащ, стоит бронзовый поэт, сложив руки на груди и глядя туда, где «Издавека долго течет река Волга». Именно эти знаменитые строчки Льва Ошанина, по словам скульптора, вдохновили его установить памятник у реки, воспетой поэтом. Можно вспомнить и другие строки той же песни:

*Здесь мой причал
И здесь мои друзья —
Все, без чего на свете жить нельзя...*

Сергей ОВСЯННИКОВ,
заместитель директора Рыбинского музея-заповедника,
кандидат искусствоведения

Фото из фондов Рыбинского музея-заповедника.

Публикуются впервые

ния, а в непростом 1992 году город помог поэту в проведении юбилейного вечера, с успехом прошедшего в Колонном зале Дома Союзов. В 1984 году Лев Иванович Ошанин стал почетным гражданином Рыбинска.

До самого конца жизни поэт сохранял силу духа и творческую энергию. Поэтому, несмотря на преклонный возраст Льва Ивановича, его смерть в самом конце 1996 года для рыбинцев оказалась неожиданным ударом.

В Рыбинске как-то сразу нашлись неравнодушные, а главное, инициативные люди, поставившие задачу увековечить память замечательного земляка. Через несколько лет после кончины Ошанина они объединились в благотворительный фонд «Солнечный круг», почетным председателем которого стала дочь поэта Татьяна Успенская-Ошанина. Значительная часть вещей Льва Ивановича была передана его наследниками в собрание Рыбинского музея-заповедника, став впоследствии основой для нескольких выставок, посвященных его жизни и творчеству. К 90-летию поэта 30 мая 2002 года на доме, где родился Л. И. Ошанин, установили мемориальную доску. А одна из улиц города стала носить его имя.

«Судьба мне подарила, что могла»

К 95-летию со дня рождения поэта Николая Якушева

В декабре 2011 года ярославские любители поэзии, культурная общественность отмечают очередной юбилей Николая Михайловича Якушева. Во второй половине прошлого века это имя было своеобразным символом поэзии Рыбинска. В городе его знали все, а поэтическое признание Якушева выходило далеко за пределы Ярославской области. Николай Михайлович оставил не только добрую память о себе, но и свои мудрые, талантливые книги, которые и сейчас пользуются вниманием тех, кому небезразлична поэзия.

Перечитывая статьи, написанные мной к предыдущим юбилейным датам старшего друга и наставника, понимаю теперь некоторую односторонность моего взгляда на поэтическую судьбу этого необычайно яркого человека. Если бы я не был более десяти лет близко знаком с Николаем Якушевым, возможно, повторил бы то, что писал в предисловии к книге стихов и дневников поэта «Жил-был я» (1994), сводя все только к трагедии одной из жертв сталинских репрессий.

Тогда, на волне всяческих разоблачений, многое представлялось проще, да и не все документы были прочитаны, в частности, его переписка. А дневники начинались только с 1971 года... В числе репрессированных оказались многие писатели: и Николай Заболоцкий, и Анатолий Жигулин, и Варлам Шаламов, и Борис Ручьев... Но их судьбы сложились по-иному. Если бы еще Якушев не был реабилитирован или погиб в лагерях, тогда — другое дело. Но поэт остался жив и вернулся в литературу познавшим то, *что не познали другие*, в хорошем смысле этой фразы: если не самые лучшие его стихи, то одни из лучших связаны с теми жизненными переживаниями.

Николай Якушев сумел преодолеть душевный кризис, о чем говорят и строки его объемного цикла «У семидесятой параллели», опубликованного впервые в период «хрущевской оттепели».

*Я плохо верю в дружбу тех,
кто от удач ослеп,*

*кому легко
дается смех
и достается хлеб.*

*.....
Надежной дружбой дорожа,
я крепко верю в тех,
чья раскрывается душа
от добрых слов «на всех».
На всех — костер,
на всех — вода
и ужин, как ни скуп...
Окурок друга никогда
не обжигает губ.*

*Пусть ветер бьет
и крутит снег
свирепых декабрей,
сквозь них прошедший человек —
правдивей и добрей.*

(«Годовые кольца», 1964)

Или другое стихотворение из этого сборника, посвященное познавшему те же испытания поэту и другу Борису Ручьеву:

*Мы не верим,
единоверцы,
что состаримся наконец,
что сегодня
на срезе сердца
пятьдесят годовых колец.*

*.....
Но в какую б
глухую замять,
задыхаясь, идти ни пришлось —
узелков не вязали на память,
не копили змеиную злость.*

И самое пронзительное:

*Мы вернулись.
Не убитые
ни цингою, ни трудом,
не с дешевою обидою
вспоминаем мы о том.*

*По-особенному больно нам
было, может быть, всегда,
что на шапке у конвойного
наша красная звезда.*

В этих стихах нет бодрячества, их наполняет осмысленная тяжесть случившегося. Преодоление, конечно, давалось нелегко.

*Все в снегу —
в густой скрипучей вате,*